

ПРИРОДА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОЕКТА ВОСПИТАНИЯ ПЕРИОДА ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

С. Г. Новиков (Волгоград)

Аннотация. В статье рассматривается сущность проекта воспитания, реализовывавшегося в советском обществе 1920–1930-х гг. Его авторы формулировали целевой и содержательный элементы, руководствуясь интересами модернизации России и формирования в СССР этатрагической социокультурной системы. Утверждается, что «реальный социализм» являлся симулякром, скрывающим подлинную природу социума, которая отличалась и от современного большевикам капитализма и от представлений о социализме основоположников марксизма. Соответственно постулирование марксистского характера проекта воспитания в СССР 1920–1930-х гг. выступает репрезентацией этого фантома. В то время как аутентичный марксизм рассматривал в качестве цели воспитания свободного индивида, способного развернуть и проявить свои природные задатки, большевистский проект воспитания полагал в качестве таковой личность, руководствующуюся надперсональными интересами. При этом автор статьи считает, что «безличностный коллективизм» большевистских теоретиков воспитания вырос не на голом месте. Основатели марксизма не отвергали интересов коллектива как фундаментального мотива жизнедеятельности. Однако их «путеводной звездой» был не традиционный коллективизм, возникший естественным путем на самых ранних этапах человеческой истории, но ассоциация, созданная свободными индивидами. Иначе говоря, идеалом К. Маркса и Ф. Энгельса являлся коллектив, который не довлеет над личностью, а создает условия для свободного развития каждого из своих членов. Идеал же большевиков классически сформулировал И. В. Сталин уже в 1945 г. – «человек-винтик». Впрочем, отдельные большевики стремились сохранить верность аутентичному марксизму, в частности, А. В. Луначарский писал, что подлинный коллективизм не отрицает творческую, неповторимую индивидуальность, а марксисты всегда стремились освободить индивидуальность и дать простор человеческому творчеству. Однако победила социоцентристская версия идеала. Это было связано, во-первых, с ориентацией авторов проекта на идеалы и ценности массового педагогического сознания и, во-вторых, с необходимостью в кратчайшие сроки завершить индустриальную модернизацию страны. Марксизм оказался лишь идеологической

© Новиков С. Г., 2017

Сергей Геннадьевич Новиков – доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры педагогики, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

E-mail: novsergen@yandex.ru

Sergey G. Novikov – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Chair of Pedagogy, Volgograd State Social Pedagogical University.

оболочкой, камуфлировавшей традиционную для России политику догоняющего развития и почвенную ценностную ориентацию на личность, отдающую приоритет надперсональным интересам. В конечном итоге, идеал воспитания 1920–1930-х гг. приобрел гибридный характер, сочетающий элементы социоцентризма и антропоцентризма.

Ключевые слова: проект воспитания, форсированная модернизация, идеал воспитания, этакратизм, социоцентризм, антропоцентризм, гибридный идеал.

THE ESSENCE OF DOMESTIC PROJECT OF UPBRINGING IN THE PERIOD OF FORCED MODERNIZATION OF THE SOCIETY

S. G. Novikov (Volgograd)

Abstract. *The article deals with the essence of the project of upbringing, realized in the Soviet society in 1920–1930-s. Its authors formulated the target and informative elements of the project of upbringing, guided by the interests of Russian modernization and by the interests of the formation of etacratic socio-cultural system in the USSR. The article states that the "real socialism" was a simulacrum which concealed the true nature of the soviet society. This nature differed from the essence of capitalism and Marxist socialism. Accordingly, postulating the Marxist character of upbringing project was a representation of this phantom in the USSR in 1920–1930-s. While authentic Marxism regarded free individual as a goal of upbringing, the Bolshevik theorists of upbringing considered the goal of upbringing as the person which guided by the transpersonal interests. «The impersonal collectivism» of Bolshevik theorists of upbringing has not grown on the empty place. The founders of Marxism did not reject, as a fundamental motive of vital functions, collective interests. However, their «guiding star» was not a traditional collectivism, naturally arising in the earliest stages of human history, but the association, freely created by free individuals. In other words, the ideal of Marx and Engels was a collective that does not prevail over the individual, but creates conditions for the free development of each of its members. Bolshevik ideal (distinct from classical Marxism) was formulated by I. V. Stalin in 1945 as «man a cog». However, some Bolsheviks tried to remain faithful to the authentic Marxism. Specifically, A. V. Lunacharsky wrote that genuine collectivism does not deny the creative, unique individuality, and Marxists have always sought to liberate individuality and give scope to human creativity. But sociocentric version of ideal won. This was due, firstly, by the orientation of the Bolsheviks on the ideals and values of mass pedagogical consciousness and, secondly, by the need to complete the industrial modernization of the country in the shortest time. Marxism was only an ideological cover for camouflage of the traditional Russian policy of catch-up development and the value orientation of Bolsheviks on the personality, which to give priority to the transpersonal interests. Ultimately, the ideal of upbringing 1920–1930-s acquired a hybrid nature, combining elements of sociocentrism and anthropocentrism.*

Keywords: *project of upbringing, forced modernization, ideal of upbringing, etacratism, sociocentrism, anthropocentrism, hybrid ideal.*

Транзиция, ныне переживаемая Россией, продуцирует многочисленные нравственные коллизии, раскалывая общество по принципу ценностных ориентаций его членов. Этот факт порождает в педагогическом сообществе дискуссии о цели и содержании современного отечественного образования, о мировоззренческих ориентирах субъекта преобразований, формируемого в процессе целенаправленной социализации. Тем самым в обществе невольно поддерживается интерес к российскому педагогическому опыту, полученному в различные «эпохи великих перемен». К последним относится и хронологический отрезок между окончанием Гражданской и началом Великой Отечественной войн – период, в который завершалась раннеиндустриальная модернизация страны. Тогда на политической карте мира появилось «государство рабочих и крестьян», которое в 1920–1930-е гг. реализовывало проект воспитания «нового человека». В педагогической историографии этот проект традиционно рассматривается в контексте «строительства социализма» в СССР, а его философско-педагогические корни однозначно выводятся из учения К. Маркса. Осмелимся сказать, что и утверждение о социалистической природе советского общества, и постулирование марксистской природы воспитательного проекта являются повторением ошибочных идеологически ангажированных клише.

Кратко аргументируем свою позицию. При всем разнообразии дефиниций социализма, ученые и политики сходятся в том, что данный общественный строй основывается, во-первых, на *общественной* собственности на средства производства и, во-вторых, обеспечивает распоряжение *трудящимися* собственностью и властью. Если же мы посмотрим на «реальный социализм», сложившийся в СССР, то увидим, что он как раз и был лишен указанных атрибутов. Прежде всего нет оснований говорить о том, что зафиксированное в советских конституциях, начиная с 1936 г., господство общественной собственности отражало действительное положение дел. На самом деле землей и водами, прочими природными ресурсами, фабриками и заводами, колхозами и совхозами в Советском Союзе распоряжалось не общество, а государство. Точно так же властные полномочия в реальности сосредоточились не у органов народовластия, а у сравнительно немногочисленных коллегий (*исполнительных* структур компартии и Советского государства), у лиц, занимавших властные посты в партийно-государственных органах. Данная социальная группа воспроизводила себя, по замечанию О. Шкаратана и В. Радаева, не через особое экономическое отношение к средствам производства, а через монопольное положение в системе власти. Указанные авторы предлагают называть его этакратией (дословно – власть государства), справедливо полагая, что данное понятие шире, чем бюрократия [1]. Если последняя – посредник между властителями и обществом, то этакратия – господствующий слой.

Кроме того, из анализа идейного наследия К. Маркса ясно, что общество, построенное в СССР к 1930-м гг., не соответствовало собственно *марксистским* представлениям о социализме. К. Маркс однозначно характеризовал его как социум, в котором исчерпывают себя товарно-денежные отношения, перестает действовать закон стоимости, организация труда более не нуждается в таких средствах, как цена, деньги. Неслучайно у К. Маркса мы не найдем категории «социалистическая экономика». Как остроумно заметил автор книги «После коммунизма», данное выражение имеет право на существование, «только надо иметь в виду», что оно несет ту же смысловую окраску, что и сочетания «социалистическая спекуляция» или «социалистическая проституция» [2, с. 177]. Нет нужды доказывать, что СССР не достиг такого уровня развития производительных сил, когда, по Марксу, отмирают стоимостные связи между производственными единицами.

Добавим, что в Советском Союзе не были созданы и качественно иные производительные силы, поскольку технологическая база советской промышленности и сельского хозяйства мало чем отличалась от капиталистической. Что касается эффективности одной технологической единицы, то в СССР она была, как правило, ниже своего капиталистического аналога. Современный автор иронизирует: «Самое обидное, что эта участь постигает не только отечественную сноповязку, но и ее двоюродную сестру, произведенную по лицензии, и даже самое импортное диво, творившее чудеса эффективности на заморской почве» [2, с. 207].

Полагаем, что возникшую в СССР социокультурную структуру мы могли бы вслед за О. И. Шкартаном и В. В. Радаевым называть *этакратизмом* или же вслед за Ю. И. Семёновым – *политаризмом*. Оба термина фиксируют решающую роль государства в организации общественной жизни, производстве и распределении материальных благ. Сходным по значению является и термин «кратократия», используемый А. И. Фурсовым, В. В. Ильиным [3–6].

Соответственно, раз «социалистическое общество» в СССР было лишь симулякром, порожденным сознанием иерархов большевистского режима, значит, можно предположить, что и заявление о социалистическом характере воспитательного проекта, обеспечивавшего его «строительство», являлось репрезентацией этого фантома. В конце концов сам К. Маркс писал: «Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [7, т. 24, с. 405].

Наше утверждение о немарксистской природе данного проекта воспитания, полагаем, становится более убедительным при сравнении его целевого и содержательного компонентов с аутентичным марксизмом. Напомним, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвигали в качестве цели воспитания *свободного индивида*, способного развернуть и проявить свои природные задатки. Они возносили на вершину пирамиды ценностей интересы не

социальной целостности, но индивида. Характерно, что, давая определение свободе, К. Маркс раскрывал ее содержание как «абсолютное выявление творческих дарований человека без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу (курсив наш. – С. Н.)» [7, т. 46, ч. 1, с. 476].

В трудах же высокопоставленных большевистских теоретиков воспитания 1920–1930-х гг., наоборот, апологии подвергалась не свободная личность, но коллектив, причем принципиальных разногласий в вопросе о месте последнего в системе ценностей проектируемого «нового человека» у лидеров большевизма не было, несмотря на яростные внутрипартийные «идейные баталии». Так, формулируя цель воспитания, «троцкист» Е. А. Преображенский писал о личности, способной «беззаветно, почти стихийно, без фраз и лишних слов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге (выделено нами. – С. Н.)» [8, с. 73]. А ранее он же вместе с будущим «правым уклонистом» Н. И. Бухариным утверждал: «Отдельный человек принадлежит не самому себе, а обществу – человеческому роду... Обществу же и принадлежит первейшее и основное право воспитания детей» [9, с. 197]. С ними соглашался М. Н. Лядов, ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, благополучно переживший «великие чистки». Старый большевик постулировал: «Чем больше ухаживают за ребенком родители, тем больше его портят, в нем воспитывается эгоизм, гипертрофия своего “я”, он невольно приучается с точки зрения своего “я” подходить ко всему остальному миру» [10, с. 311]. Отвергая такую практику, М. Н. Лядов призывал коллектив матерей взяться за совместную работу, направленную на воспитание у растущего человека понимания необходимости подчинения «своего “я” общей воле» [10, с. 314].

Строго говоря, коллективизм стал фетишем для вождей большевизма еще в дореволюционную эпоху. Так, И. В. Сталин в начале XX в. критически оценивал лозунг «Всё для личности» и противопоставлял ему якобы марксистский лозунг «Всё для массы» [11, с. 296]. Таким образом, он, подобно Н. И. Бухарину, М. Н. Лядову, Е. А. Преображенскому, Л. Д. Троцкому, Е. М. Ярославскому, видел целью воспитания не постулированного аутентичным марксизмом свободного индивида-творца, но личность, руководствующуюся надперсональными интересами («винтика», по позднейшему выражению «отца народов»).

Проектируемый «новый человек» должен был быть готов «в любую минуту отправиться бесстрашно бороться и умереть под знаменами коммунистической революции», «сменить оружие – с молотка на винтовку, уютную комнату на сырой окоп (курсив наш. – С. Н.)» [12, с. 39–40]. Аргументи-

руя социоцентристскую мировоззренческую позицию, Е. А. Преображенский писал: «Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса... На севере Сибири, бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока, и мост наводит социальный инстинкт стада трупами передовых» [8, с. 72–73].

Идеал «безличностного коллективизма» большевистских теоретиков воспитания вырос, разумеется, не на ровном месте. Основоположники марксизма, как известно, действительно не отвергали интересы коллектива как фундаментального мотива жизнедеятельности. Однако их «путеводной звездой» был не традиционный коллективизм, естественным путем возникший на ранних этапах человеческой истории, но ассоциация, *свободно созданная свободными индивидами*. Иначе говоря, идеалом К. Маркса и Ф. Энгельса являлся коллектив, который не довлеет над личностью, а создает условия для свободного развития *каждого* из своих членов.

Для большевистских же проектировщиков «нового человека» нравственным ориентиром был идеал воспитания, транслировавшийся массовым педагогическим сознанием «низовой России». А он во всех своих исторических версиях носил социоцентристский характер, отдавая приоритет интересам социальной целостности (общины, коллектива, государства) [13].

Впрочем, в 1920-е гг. отдельные большевики могли еще позволить себе расходиться с получившей высокопоставленное одобрение трактовкой идеала воспитания. Так, А. В. Луначарский настаивал на *двухсопоставном* характере системы ценностей «нового человека» («коллективизм» и «индивидуализм»). Он доказывал, что «подлинный» коллективизм не отрицает творческую, неповторимую индивидуальность. Нарком просвещения напоминал своим читателям, что марксисты всегда стремились «освободить индивидуальность, дать простор человеческому творчеству, привести к величайшему разнообразию жизни» [14, с. 482]. Ставя риторический вопрос, он постулировал: «Разве социализм предполагает потерять все тонкое, выразительное, индивидуальное? Мы считаем, что коммунистический строй есть гармоничное сочетание людей... с самыми разнообразными способностями, которые соединяются вместе, потому что они, как музыканты оркестра, которые играют каждый свою партию, соединяются вместе в известную гармонию. Мы не должны забывать индивидуальные стороны человеческого сердца...». Усиливая данный тезис, А. В. Луначарский проричал: только «на здоровом теле звучной, тонкой, внимательной и отзывчивой индивидуальности» и будет строиться «величественное здание» социализма [15, с. 46–47].

Меру между интересами личности и коллектива также пытались отыскать некоторые другие проектировщики «нового человека» из числа «старых большевиков». Например, «совесть партии» А. А. Сольц полагал, что быть сознательным строителем нового общества можно, только если «общественное принимаешь как личное, а в личном не упускаешь элементов общественных» [16]. А такая сторонница коллективистского воспитания, как Н. К. Крупская, в первой половине 1920-х гг. писала, что коллективизм позволит достичь того, «чтобы *всем* людям жилось хорошо, чтобы *все* люди были счастливы» (курсив наш. – С. Н.) [8, с. 247]. Правда, для Крупской идеалом представлялся все же человек, который «свои личные интересы всегда отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам» [8, с. 251]. Но, развивая эту мысль, она тут же поясняла: «Это, конечно, не значит, что мы должны отказаться от личной жизни. <...> Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. Это не аскетизм. Напротив, благодаря такому слиянию... личная жизнь обогащается» [8, с. 255]. Казалось бы, разница в лексике старой большевички и ее товарищей по партии была минимальной, однако в этих нюансах, с нашей точки зрения, скрывалось принципиальное различие: «коллективизм» Н. К. Крупской оставлял возможность для совмещения его с «индивидуализмом», а «коллективизм» М. Н. Лядова, Е. А. Преображенского, И. В. Сталина – нет.

Думается, что «безличностный коллективизм» как ценностно-мировоззренческий ориентир воспитательного проекта 1920–1930-х гг. победил не только из-за того, что референтной группой большевиков были носители традиционного социоцентристского сознания, свою роль сыграли и потребности *форсированной* модернизации, осуществлявшейся тогда в СССР. Ведь ее высокие темпы могли быть обеспечены лишь субъектом, обладавшим такими качествами, как терпение, непритязательность, готовность в ожидании «прекрасного завтра» безропотно подчиняться деспотичной промышленной технологии. Именно поэтому большевистские теоретики воспитания включили в систему ценностей «нового человека» ряд «почвенных» фундаментальных мотивов жизнедеятельности: бескорыстие, взаимопомощь, жертвенность, уравнительность, монолог. Однако те же интересы стремительно индустриального обновления страны побудили их дополнить ценностную систему проектируемой личности долгосрочными ориентирами антропоцентристского толка: рационализмом, расчетливостью, инициативой, новаторством, диалогом. Можно сказать, что здание советского этакратизма должно было возводиться людьми, сочетающими в себе добродетели традиционной соборной личности и достоинства индивида, принадлежащего к носителям современной западной антропоцентристской культуры. Иными словами, продукт проекта воспитания 20–30-х гг. XX в. виделся Е. А. Преображенскому, И. В. Сталину, Н. И. Бухарину и их товарищам как рядовой

«стальных батальонов пролетариата», способный проявить «в бою» инициативу и ответственность.

Выражаясь словами А. С. Ахиезера, идеал, легший в основание этого проекта воспитания, приобрел *гибридный* характер [17]. Сконцентрированные в нем социоцентристские и антропоцентристские ценности сплелись в идейный конструкт, в котором архаичные символы-образы сливались с модернистскими символами-идеями (Царство Правды отождествлялось с коммунизмом, мировое зло – с капитализмом, класс индустриального общества «буржуазия» – с «кровососами» и т. д.). Причем «рядовые акторы» воспитательного процесса (педагоги и воспитанники) нередко рассматривали традиционные образы не метафорически (как это делали высокопоставленные стратеги воспитания), а буквально, что способствовало возбуждению у них конкретных чувств, выражавшихся в соответствующих социальных практиках.

Подытожим сказанное.

Первое. Природа советского проекта воспитания первой трети XX в. определялась, во-первых, ориентацией его авторов на идеалы и ценности массового педагогического сознания и, во-вторых, необходимостью в кратчайшие сроки завершить индустриальную модернизацию страны.

Второе. Марксизм оказался лишь идеологической оболочкой, камуфлировавшей традиционную для России политику догоняющего развития и почвенную ценностную ориентацию на личность, отдающую приоритет надперсональным интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шкаратан О. И., Радаев В. В.** Правда этатократизма против мифа о социализме // Квинтэссенция: Философский альманах. 1991. – М., 1992.
2. **Платонов С.** После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. – М., 1990.
3. **Шкаратан О. И.** Этатократизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 49–62.
4. **Семёнов Ю. И.** Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М., 2003.
5. **Фурсов А. И.** Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (très-très grand espace dans une très-très longue durée) // Русский исторический журнал. – 2001. – Т. IV, № 1–4. – С. 15–114.
6. **Ильин В. В., Ахиезер А. С.** Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М., 2000.
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. – М., 1955–1981 гг.
8. **Преображенский Е. А.** О морали и классовых нормах. – М.; Пг., 1923.
9. **Бухарин Н. И., Преображенский Е. А.** Азбука коммунизма. – М., 1920.
10. **Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А. А. Гусейнова [др.].** – М., 1989.
11. **Сталин И. В.** Сочинения: в 13 т. – М., 1946–1952. – Т. 1.
12. **С.Ш.** Культурная революция и задачи комсомола // Юный коммунист. – 1928. – №9–10.

13. Новиков С. Г. Между социоцентризмом и антропоцентризмом: генезис и становление массовых идеалов воспитания в традиционном российском обществе // Грани познания. – 2014. – №4 (31). – С. 116–122.
14. Луначарский А. В. Собрание сочинений. – М., 1967. – Т. 7.
15. Луначарский А. В. Чему служит театр. – М., 1925.
16. Сольц А. А. Семья в строительстве новой жизни // Смена. – 1929. – 18 января.
17. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. – Новосибирск, 1997–1998.

REFERENCES

1. Shkaratan O. I., Radaev V. V. (1992). The truth of etacratism against the myth of socialism. *Quintessence: Philosopher's Almanac*. 1991. Moscow (In Russian)
2. Platonov S. (1990). *After Communism: The book is not intended for print*. Moscow (In Russian)
3. Shkaratan O. I. (2004). Etacratszm and Russian societal system. *Obshchestvennyje nauki i sovremennost [Social Sciences and Present]*, no. 4, pp. 49–62. (In Russian)
4. Semenov Yu. I. (2003). *The philosophy of history (General Theory of the main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)*. Moscow (In Russian)
5. Fursov A. I. (2001). Russian authorities, Russian and Eurasia: Great Mongolian power, autocracy and communism in the great cycle of history (très-très grand espace dans une très-très longue durée). *Russkij istoricheskij zhurnal [Russian Historical Journal]*, vol. IV, no. 1–4, pp. 15–114. (In Russian)
6. Piyin V. V., Akhiezer A. S. (2000). *Russian civilization: the content, limits, opportunities*. Moscow (In Russian)
7. Marx K., Engels F. (1954–1981). *Works*. Moscow (In Russian)
8. Preobrazhensky E. A. (1923). *Personal morality and class rates*. Moscow; Petrograd (In Russian)
9. Bukharin N. I., Preobrazhensky E. A. (1920). *The ABC of Communism*. Moscow (In Russian)
10. *Party Ethics: (Documents and Materials of discussions in 20-th)* (1989). Ed. A. A. Huseynov [et al.]. Moscow (In Russian)
11. Stalin J. V. (1946–1952). *Works in 13 vol.* Moscow, vol. 1.
12. S.SH. (1928). The Cultural Revolution and the tasks of the Young Communist League. *Yunyj communist [Young Communist]*, no. 9–10. (In Russian)
13. Novikov S. G. (2014). Between sociocentrism and anthropocentrism: the genesis and formation of mass ideals of upbringing in the traditional Russian society. *Grani poznaniya [The Verge of Cognition]*, no. 4(31), pp. 116–122. (In Russian)
14. Lunacharsky A. V. (1967). *Collected Works*. Moscow, vol. 7 (In Russian)
15. Lunacharsky A. V. (1925). *What is theater*. Moscow (In Russian)
16. Solts A. A. (1929). Family in building a new life. *Smena [New Generation]*, 18 January. (In Russian)
17. Akhiezer A. S. (1997–1998). *Russia: historical experience of the critic (Sociocultural dynamics of Russia)*: in 2 vol. Novosibirsk (In Russian)

BIBLIOGRAPHY

- Cantor, K. M. (2002). *Double spiral of history: Historiosophy of proektizm*. Moscow, vol. 1: General issues, 904 pp. (In Russian)
- Kosenko, T. S., Nalivayko, N. V. (2012). *Philosophy of upbringing: a social-philosophical introduction to the problem*. Novosibirsk, 215 pp. (In Russian)
- Novikov, S. G. (2004). *The upbringing of working youth in the conditions of forced modernization of Russia (1917–1930-s)*. Volgograd, 616 pp. (In Russian)
- Russia as a civilization: the materials for reflection* (2015). Ed. O. I. Shkaratan, V. N. Lexin, G. A. Yastrebov. Moscow (In Russian)

Принята редакцией: 08.01.2017